

Б. Линкольн

ЭПИЗОД С ТЕРСИТОМ В «ИЛИАДЕ»¹

(Неавторитетное выступление)

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ АВТОРИТЕТНОСТИ РЕЧИ

Очевидно, что выступление можно назвать авторитетным при наличии нескольких взаимосвязанных факторов: требуется определенный оратор, определенный способ выступления (включающий в себя не только определенные слова и мысли, но и определенную интонацию и жестикуляцию), наконец, определенное место выступления и аудитория, исторически обусловленные вкусы которой и «определяют» качество вышеперечисленных элементов.

Таким образом, авторитет возникает, когда решающие факторы сменяющейся ситуации соединяются так, что приводят к возникновению уважительного внимания, готовности слушать и одобрения среди аудитории, или — если посмотреть на вещи с противоположной стороны, когда существующие ценности, ориентации и устремления слушателей склоняют их к положительной реакции на данную речь и данного оратора, выражающуюся именно в этом почтительном и смиренном внимании. Можно сказать, что авторитет оратора не возникает по какой-либо одной из вышеназванных причин. Скорее он является результатом их взаимодействия, а особенно такого взаимодействия, которое заставляет аудиторию принять речь не просто как средство убеждения, но как нечто бесспорное и обязывающее.

Случай с Терситом, в том виде, как он представлен во второй песне «Илиады», предоставляет нам идеальную возможность исследовать сложное взаимодействие этих переменных, уделив особое внимание оценке действующего лица. Дело в том, что здесь мы можем увидеть, что происходит, когда неавторитетный человек выразит спорное мнение в речи произнесенной в месте, которое требует определенного авторитета от людей, находящихся там, и от их высказываний.

СОБРАНИЕ АГАМЕМНОНА И БЕГСТВО АХЕЙЦЕВ

Терсит довольно внезапно появляется на месте собрания ἀγορή в весьма критический момент развертывания сюжета «Илиады». Предыдущее повествование включало в себя такие эпизоды, как оскорбление Агамемноном жреца Аполлона; последующую эпидемию; первое собрание ахейцев, созданное Ахиллесом, чтобы упорядочить дела; знаменитую ссору Агамемнона и Ахиллеса, их взаимные оскорбления и уход последнего с поля битвы; его обращение к своей божественной родительнице, ее мольбу к Зевсу и решение Зевса — принятое вопреки желанию Геры — помочь Ахиллесу, оказывая помощь троянцам, — т.е. все, помещенное в песни первой. Песнь вторая продолжает рассказ, описывая сон, посланный Зевсом, чтобы обмануть Агамемнона; решение Агамемнона созвать второе всеобщее собрание (ἀγορή, 2. 51) и предшествующий ему совет (βουλή, 2.53), где он объявил свой план испытать войска на этом собрании, предложив им вернуться домой².

¹ Я благодарен Венди Донигеру, Кристиано Гротанелли, Грегори Нэйджи и Джеймсу Редфилду за то, что они прочли и отрецензировали ранние варианты этой статьи.

² По поводу того, каким именно образом провоздилось народное собрание в описываемое Гомером

Однако даже до того как собрание началось, среди его участников возникли напряженность и беспокойство. Поскольку, хотя «скиптроносцы ахеян» (σκιπτρούχοι βασιλλῆς, 2.86) прошли на собрание из совета в величавой манере, простые воины (λαοί, 2.86; ср. сткк. 96 и 99) пришли туда совсем другим образом:

И меж ними, пылая, летела
Осса³, их возбуждавшая, вестница Зевса; собрались;
Бурно собор волновался; земля застонала под тьмами
Седших народов; воздвигнулся шум, и меж оными девять
Гласом гремящим глашатаев, говор мятежный смиряя.
Звучно вопили, да внемлют царям, Зевеса питомцам.
И едва лишь народ на местах учрежденных уселся,
Говор унявши, как пастырь народа восстал Агамемнон⁴.

Итак, тишина, необходимое условие для речи владыки, достигнута. Агамемнон встает со скипетром в руке, чтобы, произнеся искусную речь, описывающую обещания Зевса, десятикратное превосходство греков над троянцами, позор отхода войск, оборвать ее неожиданным предложением: «Должно бежать! возвратимся в драгое отечество наше; Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!»⁵.

Но Агамемнон напрасно ожидал, что его слушатели отвергнут предложение об отъезде, — последние слова оказали немедленное и действительное влияние на «всех в толпе многолюдной, и не слышавших речи советной» (2. 143): они «бросились все к кораблям; под стопами их прах, подымаясь, Облаком в воздухе стал»⁶. Однако в этот критический момент Одиссей — подвигаемый Афиной и вооруженный скипетром Агамемнона — встал на пути повального бегства. Текст, в котором описываются его действия, вызывает особый интерес. Дело в том, что он делится на две части, отражающие два способа поведения Одиссея: с одной стороны, по отношению к царям, а с другой — по отношению к народу (οἱ πολλοί). Сопоставление двух этих частей выявляет как их структурный параллелизм, так и разницу в риторическом оформлении (см. табл. 1)⁷.

Обе эти части открываются вступительными строками (IА и IIА), устанавливающими социальную принадлежность тех, к кому Одиссей обращается в каждом конкретном случае, и указывающими на манеру общения с ними. Так, сказано, что с «властелинами или знаменитыми мужами» (βασιλῆα καὶ ἔξοχον ἄνδρα, 2.188) он разговаривал «краткою речью» ('αγαροῖς ἐπέεσσιν, 2.189), в то время, как встречая «кого-либо ... меж народа» (δήμου... ἄνδρα, 2.198), он не только не усложнял свою речь изысканностью, но, помогая себе и голосом и руками, гнал его назад на место собрания, используя скипетр как дубину⁸.

Обе речи, которые следуют за этими вводными строками, начинаются с одинаковой формы вежливого обращения (δαίμονι, 2.190; 2.200) и сводятся, с

время, ведутся многочисленные дискуссии. См., например, *Vlachos G.C. Les sociétés politiques homériques.. P., 1974. P. 171—206; Finley M.J. The World of Odysseus. Harmondsworth, 1979. P. 78—82; Donlan W. The Structure of Authority in the Iliad // Arethusa. 1979. 12. P. 51—70; или как пример другого понимания — Andreev J.V. Die politischen Funktionen der Volksversammlung im homerischen Zeitalter: zur Frage der «militärischen Demokratie» // Klio. 1979. 61. S. 385—405.*

³ Написание с большой буквы показывает, что Молва (Осса) должна быть понята как персонафицированная абстракция. Так же она изображена и в «Одиссее» (24. 413).

⁴ 2.93—100. «Илиада» цитируется в переводе Н. Гнедича, «Одиссея» — в переводе В. Жуковского (прим. переводчика).

⁵ 2.140—141. Агамемнон произносит то же самое на последующем собрании, но на этот раз уже искренне (9. 27—28). Ср. ответ Диомеда в той ситуации (9. 42—49) с тем, что говорит Агамемнону Терсит (2.236—238) (см. ниже).

⁶ 2.149—151.

⁷ 2.188—210.

⁸ Глагол ἔλαυνω чаще всего используется для обозначения выгона скота и лошадей и применительно к людям означает, что с ними обращаются, как с животными, — см. II. 7. 158; 24. 532 и особ. 4. 299.

Часть I П. 2. 188—197	Часть II П. 2. 198—206
<p>А) Там, властелина или знаменитого мужа встречая, К каждому он подходил и удерживал кроткою речью: В) «О, муж достойный! Тебе ли, как робкому, страху вдаваться. 1) Сядь, успокойся и сам, 2) успокой и других меж народа</p>	<p>А) Если ж кого-либо шумного он находил меж народа, Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью: В) «О, муж достойный, молчи, 1) садись 2) и других совещания слушай, боле почтенных, как ты! Невоинственный муж и бессильный, Значащим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах</p>
<p>С) Ясно еще ты не знаешь намерений думы царевой; Ныне испытывал он, и немедля накажет ахейан; В сонме не все мы слышали, что говорил Агамемнон; Если он гневен, жестоко, быть может, поступит с народом D) Тягостен гнев царя, питомца Крониона Зевса</p>	<p>D) Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам, аргивьянам! Нет в многовластии блага; да будет единый властитель, Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими»</p>
<p>Часть скиптроноса от Зевса, и любит его промыслитель»</p>	

учетом вежливой просьбы в отношении благородных⁹, к двум требованиям, предъявляемым Одиссеем к каждой из групп. Первое требование (разделы IV1 и IVB1) одинаково в обоих случаях, хотя форма обращения к простым воинам более груба: «сиди тихо» (ἄτρεμα ἦσο, 2.200) против «садись» (κάθησο, 2.191). Второе требование, напротив, явно различается, поскольку знатных просят восстановить порядок среди подчиненных, приказав им сесть (раздел IVB2), в то время как простолюдинов, чей ропот постоянно ассоциируется с известным стремлением к анархии¹⁰, убеждают молчать и слушать более могущественных с помощью резко уничижительных оборотов (раздел IVB2).

И ту, и другую речь Одиссей заканчивает (разделы ID и IID) утверждением о том, что царская власть есть основа порядка и что цари правят по воле Зевса, узаконивая, таким образом, их власть и превосходство путем наделения их божественной санкцией. Тем не менее, говоря со знатными, Одиссей может касаться этих идеологических вопросов лишь поверхностно, используя для этого знакомые обороты, поскольку эти люди прекрасно знали подобные доводы, равно как и то, кому именно они служили¹¹. Общаюсь же с толпой, которая была более настроена протестовать против всяких доводов, ограничивающих ее интересы, он должен был действовать более агрессивно и поддерживать монархическую власть ввиду очевидного тяготения толпы к более демократическим формам власти («многовластие», πολυκυρανίη, 2.204).

⁹ Мой перевод строки 190 — «Не следует пытаться пугать тебя, словно бы ты был трусом» — основан на предположениях, выдвинутых Дж. С. Кирком: *Kirk G.S. The Iliad: A Commentary. Camb., 1985, ad loc.*

¹⁰ Во второй песни (а часто и в других местах) шум и грязь подаются как неотъемлемые черты толпы и описываются с точки зрения аристократов, считавших их особенно неприятными и пугающими. См., например, приход людей на собрание (2. 93—98), их уход оттуда (2. 142—151) и (βοῶντα, 2. 198) когда люди ринулись к кораблям.

¹¹ Фраза «цари, питомцы Зевеса» (διοτρεφέες βασιλῆες) часто встречается у Гомера (например, 2. 98, см. выше), а также и у Гесиода (Theog. 82). Ее значение было вкратце рассмотрено: *Vlachos. Op. cit. P. 119—120, 124—125.*

Несмотря на прочие соответствия этих двух речей Одиссея, одна часть его обращения к знатым не имеет аналогии (раздел IC)¹². В ней он предлагает разъяснения, нечто необязательное при общении с простолюдинами, и, следовательно, дает представление об общении на более высоком уровне, которое им было недоступно. Так, он напоминает тем из знатных, которые до этого участвовали в совете¹³, что, как им (и только им) объяснил сам Агамемнон, он видел цель не в том, чтобы его предложение об отводе войск было принято, но лишь в «проверке» (πειράται, 2.193). Таким образом, Одиссей выступает защитником намерений Агамемнона, а не его слов, его тайных доводов, а не явных выводов, и его откровенной речи в привилегированном совете, а не хитроумного выступления на всеобщем собрании.

Непосредственный результат усилий Одиссея достаточно очевиден. Убеждая знатных и принуждая простолюдинов, ему удастся вернуть обе группы на место проведения собрания, где, как он ожидает, первые возобновят дискуссию, чтобы достичь более приемлемого решения. В этом месте и появляется Терсит.

МУЖ БЕЗОБРАЗНЕЙШИЙ И НЕНАВИСТНЫЙ

В качестве единственного во всей «Илиаде»¹⁴ рядового воина, держащего речь, Терсит, чье имя характеризует его как «наглого», «дерзкого»¹⁵, является весьма

¹² Субординационные различия в двух этих отрывках, связанных с конкретной аудиторией, выражены тремя способами: 1) со знатыми Одиссей говорит прежде, 2) с ними он говорит дольше (восемь строк против семи), и 3) только в обращении к знатым присутствуют выделенные слова (раздел IC).

¹³ Хотя совет изначально квалифицируется как состоящий из «благодушных старейшин» (βουλῆν ... μευαθυμένων ... γεροντών, 2.53), другие строки дают понять, что и «вожди и правители мудрые храбрых данаев» ('Αργείων ἡγήτορες ἦδ' ἐ μέδοντες, 2.79) и «скиптроносцы ахейан» (σκηπτροῦχοι βασιλῆες, 2.86) также приняли в нем участие. Из вопроса Одиссея «разве мы все не слышали, что говорил на совете Агамемнон?» (ἐν βουλῇ δ' οὐ πάντες ἀκούσαμεν ὅσον εἶπε, 2.194) ясно, что «властелины и знаменитые мужи» (τινὰ βασιλῆα καὶ ἔξοχον ἄνδρα, 2.188), к которым он обращается, также присутствовали на совете.

¹⁴ Социальная принадлежность Терсита устанавливается с помощью пяти независимых показателей: 1) постоянное противопоставление знатных и простолюдинов, особо подчеркиваемое в начале второй песни и достигающее пика в сцене противостояния Одиссея и Терсита; 2) то, как Одиссей обращается с ним, а особенно — то, что он бьет его скипетром, т.е. поступает с ним таким же образом, как и с простолюдинами (2. 199); 3) эпитет «муж безобразнейший» (αἰσχιστος, 2. 216), применяемый автором повествования лишь к Терситу; 4) слова Одиссея, обращенные им к Терситу: «Смертного более презренного (χερσιότερος), нежели ты, я уверен, нет меж ахейан, с сынами Атрея под Трою пришедших» (2.248—249) и 5) тот факт, что генеалогия его не сообщается, — вещь абсолютно невозможная для аристократа. Самыми важными из этих доводов я считаю первый, второй и пятый, хотя четвертый часто воспринимается как главный аргумент. Но, дело в том, что определение χερσιότερος (производное от χεῖρων, сравнительной степени прилагательного κακός) может быть использовано как при описании самого человека, т.е. его личных качеств (см. II. 4.400; Od. 14.176 и 10.237—239), так и при указании на его происхождение (II. 1.80; 20.106; Od. 11.621). И тем не менее нигде определение χερσιότερος или χεῖρας не используются как оскорбления, которые бросают человеку прямо в лицо. Это свидетельствует о том, как низко (во всех отношениях) ставил Одиссей Терсита и как безопасно он чувствовал себя, расправляясь с последним. К такому же выводу приходят древние авторы: в схолии В к II. 2.243—244, где Одиссей по-разному обращается к знатым и к простолюдином, о Терсите говорится, что он был «человеком толпы» и «явно не из числа царей» — ...ἀναφέρει δὲ ἐπὶ τὰ δὴ δ' αὐτὸν δῆμον+ ἄνδρα ἴδοι" (В 198) οὐκ οὐν οὐ τῶν βασιλείων Θερσίτης.. См. Erbse H. Scolia Graeca in Homeri Iliadem (Scholia Vetera). B., 1969. 1: 235. Было высказано мнение, что социальная принадлежность Терсита не может быть установлена; см., например, Geddes A.G. Who's Who in «Homeric» Society? // CQ. 1984. 34. P. 17—36, особенно 22—23, но такой гиперскептицизм кажется нам безосновательным.

¹⁵ Θέρσος является эолийской формой от гомеровского θάρσος, который указывает на связь с генеалогической традицией, приписывающей Терситу эолийское происхождение (об этом см. ниже). Наиболее глубоко смысл имени Терсита был исследован в работе Пьера Шантрэна — Chantreine P. A propos de Thersite // L'Antiquité classique. 1963. 32. P. 18—27. В дополнение к собранному им сведениям следует отметить, что в эпическом сознании tharsos расценивается как положительное качество только в том случае, если герой получает поддержку божества (II. 5.2, 7.153, 17.570, 21.547; Od. 1.321, 3.76, 6.140, 9.381, 14.216). В других обстоятельствах это слово употребляется как упрек (II. 21.395). Итак, «tharsos» при поддержке божества означает «отвагу», а без таковой — «наглость».

уникальным персонажем. Мы встречаем его, когда он встает, бросив вызов двум требованиям Одиссея, поскольку даже в то время, как все остальные уже пошли на попятный, он единственный отказывается сесть и замолчать. Прежде чем дать нам услышать то, что он сказал, автор повествования из всех сил стремится описать его таким образом, чтобы заранее вызвать у нас определенное отношение к нему:

Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели;
Только Терсит меж безмолвными каркал один, празднословный;
В мыслях вращая всегда непристойные дерзкие речи,
Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,
Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.
Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону;
Был косоглаз¹⁶, хромоног; совершенно горбатые сади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом.
Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида,
Их он всегда порицал¹⁷.

В доказательство того, насколько уникальным персонажем является Терсит, можно привести тот факт, что при его описании в этом отрывке из 10 строк употреблены два прилагательных в превосходной степени ($\alpha\iota\sigma\chi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$, 2.216; $\epsilon\chi\theta\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$, 220) и семь слов, которые более в эпосе не встречаются ($\alpha\mu\epsilon\tau\rho\epsilon\lambda\eta\varsigma$ 2.212; $\kappa\omicron\lambda\omega\iota\omega$, 212; $\alpha\kappa\omicron\sigma\mu\omicron\varsigma$, 213; $\alpha\iota\sigma\chi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$, 216; $\phi\omicron\lambda\kappa\omicron\varsigma$, 217; $\phi\omicron\zeta\omicron\varsigma$, 219; $\psi\epsilon\delta\nu\eta$, 219). В этих строках последовательно отражены три тесно связанные черты личности Терсита: вначале описывается характер его речи — язвительный, невожатый, оскорбительный (2.212—216), затем — его отвратительный, уродливый внешний вид (2.216—219) и после — враждебное отношение, которое он вызывал у других (2.220—223). То, что все это составляет единое целое, подтверждается и прилагательным в превосходной степени $\alpha\iota\sigma\chi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$, которое стоит в строке 216 и характеризует его одновременно как «безобразнейшего», «низменного», «наиболее ругаемого (другими)» и как «наиболее заслуживающего упреков»¹⁸.

Рассматривая это определение и широкий спектр его значений, Грегори Нэйджи пронизательно заметил: «(Терсит) является $\alpha\iota\sigma\chi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ и низменным не только из-за того, что он говорит и делает... но и по причине своего уродства. И явно внешность Терсита служит формой, отражающей содержание его хулительной речи»¹⁹. Однако, исходя из того же отправного пункта, — отождествления безобразного языка упреков с их безобразным автором, можно повести исследование в другом направлении, делая

¹⁶ Так свидетельствуют древние схлии. $\phi\omicron\lambda\kappa\omicron\varsigma$ является $\eta\alpha\rho\alpha\varsigma$ $\lambda\epsilon\gamma\omicron\mu\epsilon\eta\omicron\upsilon$, и ни одного убедительного толкования этого термина не было предложено. Часто его переводят как «кривоногий», и, таким образом, описание Терсита начинается с ног и заканчивается головой.

¹⁷ 2.211—221.

¹⁸ Слово произошло от забытой формы прилагательного $*\alpha\iota\sigma\chi\omicron\varsigma$. Наиболее близкими к нему являются: 1) существительное $\alpha\iota\sigma\chi\omicron\varsigma$, переводимое как: а) «стыд, бесчестие или их причина»; б) во множественном числе — «постыдные поступки» и в) «оскорбление, упрек»; 2) прилагательное $\alpha\iota\sigma\chi\omicron\rho\omicron\varsigma$ — «оскорбительный, позорный, заслуживающий упрека» и 3) глагол $\alpha\iota\sigma\chi\upsilon\omega$: а) «обезобразивать, портить, уродовать», б) «стыдить, пристыдить», в) в страдательном залоге «стыдиться». В основе всех этих однокоренных слов лежит культурное понимание вины и стыда, в котором взаимовлияют друг на друга внутренний мир, внешний вид и поступки действующего лица, а также обратные реакции (особенно устные), которые это лицо вызывает у других людей. Таким образом, внешний вид, поступки и речи тех, кого обвиняют и стыдят, должны отражать их внутренние изъяны, побуждая других винить их и тем самым еще более представлять в одиозном виде оратора так, что он вынужден будет отвечать безобразными словами на безобразные поступки. О природе и значимости вины и стыда в гомеровском обществе см. Nagy G. The Best of Achaeans: concepts of the hero in Archaic Greek poetry. Baltimore, 1979. P. 211—275; Adkins A.H. Threatening, Abusing and Feeling Angry in the Homeric Poems // JHS. 1969. 89. P. 7—21; Redfield J.M. Nature and Culture in the Iliad. Chicago, 1975. P. 115—119.

¹⁹ Nagy. Op. cit. P. 262—263.

упор на то, что идеалы красоты и уродства не появляются как таковые в природе, но формируются определенной культурной средой. Следовательно, люди безобразны не сами по себе, но считаются таковыми по мнению других, опирающихся на те или иные культурные идеалы. Хула, таким образом, исходит не от «безобразных» (как таковых), а от людей, которые, будучи не в состоянии соответствовать эстетическим нормам своего общества, страдают из-за чужого мнения и горького осознания неполноценности, в то время как другие полностью воплощают в себе общественные требования²⁰.

«Безобразные», как видно, воспринимают эти нормы в качестве основного источника своих страданий и могут принять представления общества о «добре» и «красоте» лишь в том случае, если сами сделают себя объектом критики. С другой стороны, они могут предпочесть критику тех норм, которые заставляют их испытывать страдания, при этом возлагая всю вину на тех, кто преуспевает, живя в соответствии с этими нормами, но вместе с тем неизбежно подвергнутся ответным действиям со стороны последних²¹.

Итак, сообщается, что Терсит неустанно оскорбляет Ахиллеса и Одиссея, двух героев, считавшихся «славнейшими из Ахейн», и в свою очередь является «ненавистным» для них (ἔχθιστος 2.220)²².

УКРОЩЕНИЕ СТРОПИВОГО

После завершения всех приготовлений нам, наконец, позволено услышать речь, в которой Терсит, «усилия свой крик, порицал Агамемнона» (2.224):

Что, Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще недоволен?
 Кущи твои преисполнены мести, и множество пленниц
 В куцах твоих, которых тебе аргивяне избранных
 Первому в рати даем, когда города разоряем.
 Жаждешь ли злата еще, чтоб его кто-нибудь из троянских
 Конников славных принес для тебя, в искупление сына,
 Коего в узах я бы привел иль другой аргивянин?
 Хочешь ли новой жены, чтоб любовь с ней наслаждаться,

²⁰ Следует заметить, что на вазах (Ebert J. Die Gestalt des Thersites in der Ilias // Philologus. 1969. 113. S. 159—175), Терсит изображен как вполне обычный человек. Непохожее на расхожее мнение о внешнем виде Терсита см. *Luc. Dial. Mor.* 25, где говорится, что в подземном царстве Терсит был приравнен по красоте к Нирею, который при жизни был красивейшим из греков, пришедших под Трою (11. 2.673).

²¹ Аналогичные процессы обнаруживаются повсеместно, где критические выступления совершаются открыто и публично, а не в виде анонимных и повсеместных перешептываний и смешков. Поскольку когда оратор открыто высказывает критические замечания, особенно если он делает это в том месте, где обычно выступают власть предержащие, то и он сам, и его речь легко заметны, а следовательно, легко наказуемы.

²² См. Nagy. Op. cit. P. 259—260. Определение ἔχθιστος используется в «Илиаде» еще три раза, в двух из которых имеет весьма важное значение. Так, Агамемнон говорит Ахиллесу во время их ссоры: «Ты ненавистнейший мне меж царями, питомцами Зевса» (1. 176), употребляя те же слова, что и Зевс в разговоре с Аресом — «Ты ненавистнейший мне меж богов, населяющих небо» (5.890). В этих случаях, как и при обращении Ахиллеса и Одиссея к Терситу, приговор вышестоящих относится к тем, чье неповиновение и вызывающее поведение (на словах или в поступках) делает их «ненавистнейшими». На основании приведенных данных может быть составлена следующая таблица:

	ненавистнейший	для
Арес	из богов	верховного бога
Ахиллес	из царей	верховного владыки
Терсит	из простолудинов	главных героев

Четвертый и последний случай употребления ἔχθιστος (9.159), в котором говорится, что Аид — самый ненавистнейший из богов для людей, несколько отличается; здесь мы видим отношение нижестоящих к прослойке вышестоящих, и здесь наличествует другая система ценностей. В соответствии с ней место неповиновения занимает отсутствие прощения.

В сень одному заключившись? Нет, недостойное дело,
Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, ахеян!
Слабое, робкое племя, ахеянки мы, не ахеяцы!
В думы свои отплывем, а его мы оставим под Троей,
Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,
Служим ли помощью в брани и мы для него, иль не служим.
Он Ахиллеса, его несравненно храбрейшего мужа,
Днесь обесчестил: похитил награду и властвует ею!
Мало в душе Ахиллесовой злобы; он слишком беспечен;
Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!²³

После многообещающего описания Терсита его риторические упражнения должны выглядеть как нечто разочаровывающее. Среди всего им перечисленного вряд ли что-либо может действительно быть расценено как «опрометчивое», «необузданное» или «нечто, достойное осмеяния». Пусть даже ему и удалось «колынуть» Агамемнона тем, что по канонам эпического повествования может показаться довольно дерзким — «хочешь ли новой женой, чтоб любовию с ней наслаждаться» (2.232). По правде говоря, речь Терсита является скорее бледным подражанием обвинительным словам Ахиллеса, сказанным им Агамемнону в песни первой, и которым, как уже отметили многие исследователи, соответствуют многие фразы и обороты этой речи. В частности, Фрэнсис Кэйрнс составил список параллельных мест в этих двух выступлениях. Агамемнон алчен (1.222 = 2.225—233, особ. 229); он забирает добычу, в то время как другие, а именно — Ахиллес и Терсит (!) делают работу (1.163—168 = 2.229—233); было бы лучше отправиться домой, оставив Агамемнона у Трои (1.169—171 = 2.236—238); греки вялы и безвольны (1.231 = 2.235, см. 241). Кроме того, следует упомянуть две строки, где Терсит слово в слово повторяет резкие слова Ахиллеса (2.240 = 1.356, и 2.242 = 1.232)²⁴.

Очевидно, что большинство из того, что сказал Терсит, было произнесено незадолго до этого Ахиллесом по адресу того же человека, перед той же аудиторией, в том же самом месте и при весьма схожих обстоятельствах. Более того, именно Ахиллес, а не Терсит пережегал свои упреки такими хлесткими оскорблениями, как «грузный вином, пса имеющий очи, а сердце еленя» (1. 225), «пожиратель народа» (1. 231) и «беспредельно корыстолюбивый» (1. 122)²⁵. Видимо, если бы Терсит был Ахиллесом, его речь вызвала бы несколько другую реакцию: не случайно один античный критик заметил, что, будь он Диомедом, ничто из сказанного им не было бы расценено как смешное²⁶. Однако, будучи весьма далек от образа героя, Терсит был лишь простым воином, да еще и безобразным, уродливым смутьяном.

И вот такой человек становится единственным препятствием для Одиссея, стремящегося сдержать бегство войска и восстановить порядок; зная о том, каким образом он уже успокоил простых воинов, можно не сомневаться, что он поставит Терсита на место. Их противостояние начинается еще до произнесения слов, в тот момент, когда, как говорит рассказчик, Одиссей «гневно воззрел на него» (βλόδρα ἰδών, 2.245), причём используется устоявшаяся формула, тщательно изученная Джеймсом Голокой. Последний, в частности, пишет о ней, что «оратор, что бы он ни говорил, выражает с помощью своей мимики отношение к факту чьего-либо дерзкого поступка, намеренно игнорирующего нормы взаимоотношений между правителями и

²³ 2.225—242.

²⁴ Cairns F. Cleon and Pericles: A Suggestion // JHS. 1982. 102. P. 203. См. более обстоятельные рассуждения: Postelthwaite N. Thersites in the Iliad // Greece and Rome. 1988. 35. P. 126—133.

²⁵ Об особенностях языковых оборотов Ахиллеса см. интересное исследование Адама Пэрри (Parry A. The Language of Achilles // ТAPA. 1956. 86. P. 1—7) и последующие замечания Пола Фридриха и Джеймса Редфилда (Friedrich P., Redfield J. Speech as a Personality Symbol: The Case of Achilles // Language. 1978. 54. P. 263—288; 1981. 57. P. 888—903; ТAPA. 1984. 114. P. 11—27), а также Martin R.P. The Language of Heroes. N.Y., 1989.

²⁶ Quintilian. 11.1.37.

подчиненными». И далее: «Во всех примерах подобная мимика, предшествующая речи, дополняет ее явно угрожающими горячностью и возбуждением: рубеж пройден, и такие легковоспламеняемые вещи, как оскорбленная гордость, справедливое негодование, отчаяние, стыд и потрясение близки к точке возгорания»²⁷. Глядя с угрозой, Одиссей обрушивает на Терсита следующие слова:

Гневно возрел на него и воскликнул голосом грозным:
«Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный, вития!
Смолкни, Терсит, и не смей ты один скиптроносцев порочить.
Смертного боле презренного, нежели ты, я уверен,
Нет меж ахейян, с сынами Атрея под Трою пришедших.
Имени наших царей не вращай ты в устах, велереча!
Их не дерзай порицать, ни речей уловлять о возврате!
Знает ли кто достоверно, чем окончится дело?
Счастливо или несчастливо мы возвратимся, ахейцы?
Ты, безрассудный, Атрида, вождя и владыку народов,
Сидя, злословишь, что слишком ему аргивяне герои
Много дают, и обиды царю произносишь на сонме!
Но тебе говорю я, и слово исполнено будет:
Если еще я тебя безрассудным, как ныне, увижу,
Пусть Одиссея глава на плечах могучих не будет,
Пусть я от оногo дня не зовуся отцом Телемаха,
Если, схвативши тебя, не сорву я твоих опеаний.
Хлены с ramen и хитона, и даже что стыд покрывает,
И, навзрыд вопиющим, тебя к кораблям не пошлю я
Вон из народного сонма, позорно избитого мною»²⁸.

Переходя от настойчиво повторяемой команды («не смей ты один скиптроносцев порочить», 2.247; см. 2. 250—251) к доводам, выраженным самым сжатым образом («знает ли кто достоверно, чем окончится дело», 2.252), Одиссей заканчивает клятвой (2.257—264). Он во всем обходится с Терситом пренебрежительно, не думая отвечать на аргументацию последнего, но стремясь главным образом ограничить особыми условиями его право выступать. Так, то, что наиболее резко и ясно подчеркивает Одиссей в своей речи, когда говорит Терситу «имени наших царей не вращай ты в устах, велереча» (τῶν οὐκ ἄν βασίλειας ἀνά στομῆ ἔχων ἄγορεύεις, 2.250; 2.250—251), сводится не к тому, чтобы лишить последнего всех его прав, но скорее является требованием к нему не выступать именно в собрании οὐκ... ἄγορεύεις. Остается открытым вопрос, мог ли Терсит говорить те же слова где-либо в другом месте, а между тем предшествующие события показали, что другие люди (например Ахиллес) могут сказать по сути то же самое перед собранием. Но сопряженности именно этого оратора, речи, места и аудитории Одиссей потерпеть не может и клянется поэтому не только заставить Терсита молчать, но и выгнать его с места собрания (πέλληχῶς ἄγορήσειν, 2.264) самым грубым и уничижительным образом.

Как мы уже видели, общаясь с простолюдинами, Одиссей склонен подкреплять свои приказы силой, и в данной ситуации он идет тем же путем.

Рек — и скиптром его по хребту и плечам он ударил.
Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;
Вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра золотого,
Вздулась багровая; сел он, от страха дрожа; и, от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах.
Все, как ни были смутны, от сердца над ним рассмеялись;
Так говорили иные, взирая один на другого:

²⁷ Holoka J.P. «Looking Darkly» (υπόδρα ἰδῶν): Reflections on Status and Decorum in Homer // ΤΑΡΑ. 1983. 113. P. 1—16.

²⁸ 2.245—264.

«Истинно, множество славных дел Одиссей совершает,
К благу всегда и совет начиная, и брань учреждая.
Ныне ж герой Лаэртид совершил знаменитейший подвиг:
Ныне ругателя буйного он обуздал велеречью!
Верно, вперед не отважит его дерзновенное сердце
Зевсу любезных царей оскорблять поносительной речью!»²⁹

СМЕХ ОТ ДУШИ

Последнее слово, таким образом осталось не за Одиссеем и не за Терситом, а за толпой, которая очень четко выразила свое мнение, и его, как подразумевается, нам следует принять в качестве единственно возможного. Конечно, до определенной степени, реакция толпы уже заранее была подготовлена слезами Терсита, поскольку, хотя по шкале ценностей эпоса плач не всегда является чем-то позорным (ср. плач Ахиллеса по Патроклу или Зевса по Сарпедону), слезы, появившиеся в результате физической боли, являются проявлением отсутствия мужества. В тот самый момент, когда он заплакал, Терсит сам обрек себя на осмеяние и презрение со стороны присутствующих, и, таким образом, противоборство нашло себе эффективное разрешение. Тем не менее сам факт, что слезы, боль и унижение этого человека заставили всех других рассмеяться — и рассмеяться «от всего сердца», — явно должен вызвать у нас неприятную реакцию в силу отсутствия в нас чувств эпических героев и поставить вопрос, что же именно смешного нашли ахейцы во всем этом³⁰.

Смех, как точно заметил Джеймс Редфилд, встречается в «Илиаде» редко и обычно служит показателем ослабления социальной напряженности³¹. Еще реже, — лишь в трех случаях, — встречается смех «от всего сердца». А именно так смеялись Парис, когда он ранил Диомеда в правую ногу, пришивив его к земле (11.378), и Зевс, когда к нему пришла вся в слезах Артемида, получившая перед этим по ушам ее же собственным луком и стрелами от Геры (21.508). Наконец, «смех по собранью веселый раздался» у ахейцев, когда Аякс Ойлид, участвуя в соревновании по бегу и поскользнувшись по воле Афины, упал в воловий помет, а затем, вставая и крича, что тем самым богиня лишила его уже почти заслуженного приза, выплевывал вместе со словами попавшие в рот нечистоты (23.784).

Следует также обратить внимание на эпизод с Иром, приведенный в «Одиссее» (18.1—121), который весьма напоминает перечисленные выше случаи. Нищий, по описанию, громадина и обжора, но слабый, Ир столкнулся с Одиссеем, который, спрятавшись в убогие лохмотья, присел на пороге царского дворца в Итаке. Оскорбленный таким вторжением на территорию, которую он привык считать своей, Ир приказал пришельцу убираться, но Одиссей, «гневно посмотрев», — то же выражение, что и в эпизоде с Терситом, — отказался подчиниться. Последовали пререкания, перешедшие в жестокую стычку, что очень развеселило присутствующих там женихов.

Стали сходитьсь бойцы. В плечо Одиссея ударил
Ир. Одиссей же по шее ударил под ухом и кости
Все внутри раздробил. Багровая кровь полилася
Изо рта. Стиснувши зубы, со стоном он в пыль повалился,
Топая пятками оземь. И руки высоко поднявши,
Со смеху все женихи помирали. Схвативши бродягу

²⁹ 2.265—277.

³⁰ См. замечания Роберта Дарнтона (Darnton R. *The Great Cat Massacre*. N.Y., 1984. P. 77—78) касательно значимости тех ситуаций, которые рассматриваются в качестве смешных в обществах, далеких от нас во времени или в пространстве, но которые «вызывают у современного читателя состояние замешательства, если не сказать чувство глубокого отвращения».

³¹ Redfield. *Op. cit.* P. 261 f. По мнению Дж.С. Кирка, «несчастливая судьба и убогая внешность являются обычными причинами, вызывающими смех героев и богов в "Илиаде"» (*Op. cit.* P. 144).

Компоненты, составляющие «смех от сердца»

	Терсит	Диомед	Артемиде	Аякс	Ир
В ситуации открытого столкновения или состязания	На собрании	На войне	На войне	На соревновании в беге	В кулачном бою
Подвергается физическому насилию от рук вышестоящего на иерархической лестнице	Побит Одиссеем с помощью скипетра	Ранен стрелой Париса*	Избита Герой своими же луком и стрелами	Уступил Одиссею, по воле Афины	Избит Одиссеем
Эпизод связан с ногой	Хром на одну ногу 2.217	Ранен в ногу 11.377		Получил подножку 23.782	Вытащен за ногу — Od. 18.101
Персонаж повержен на землю	Сбит ударом	Пришпилен стрелой		Упал в навозную кучу	Сбит ударом и выволочен по лестнице
Постыдные последствия при зрителях	Крупные слезы, кровавый рубец		Слезы	Выплескивает нечистоты	Кровотечение изо рта

* Может показаться сомнительным иерархическое превосходство Париса над Диомедом. Однако и превосходство Одиссея над Иром или Аяксом не было вначале очевидным, а проявилось лишь по ходу действия и было подтверждено смехом толпы. Следуя этой логике, сама возможность для Париса ранить Диомеда дает primero из них непредвиденное превосходство над вторым, хотя тот факт, что в данном случае смеялся сам Парис, создает новые проблемы. Возможно, самым правильным было бы заключить, что данный случай продемонстрировал превосходство последнего над Диомедом к удовольствию самого Париса (а может, и не только его).

представители низшего ранга и меньшей власти оспаривать решения единовластных правителей. Пример тому можно найти в песни первой, когда Зевс, действуя по просьбе Ахиллеса, решает отдать победу троянцам, а Гера, которая благоволит грекам, энергично протестует. В ответ Зевс — указывая на неравенство полов, подобно тому, как Одиссей в песни второй указывал на неравенство классов, — приказывает своей жене: «Ты же безмолвно сиди» ($\alpha\kappa\epsilon\upsilon\sigma\sigma\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \theta\eta\sigma\sigma\alpha$, 1.565), угрожая физической расправой как ей, так и всякому, кто поддержит ее, если она не повинуется. В этот напряженный момент в разговор вступает Гефест, советуя Гере быть благоразумной и вспоминая другой случай, когда, как сказано в другом месте, Зевс подвесил ее за руки, привязав тяжести к ногам, и сбросил попытавшегося освободить ее Гефеста с Олимпа³⁵.

«Милая мать, претерпи и снеси, как ни горестно сердцу!
Сыну толико драгая, не дай на себе ты увидеть
Зевса ударов; бессилен я буду, хотя и крушася,
Помощь подать: тяжело Олимпийцу противиться Зевсу!

³⁵ Об этом см. в песни 15-й, сткк. 18—24. Другая версия истории падения Гефеста и его хромоты дана в песни 18-й, сткк. 395—397 и в «Одиссее» (8.311—312). О параллельном существовании этих двух традиций, отличающихся друг от друга по существенным моментам, см. *Dolcourt M. Hēphaistos su la legende du magicien. P., 1957. P. 115—116.*

Он уже древле меня, побужденного сердцем на помощь,
Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага:
Несся стремглав я весь день и с закатом блестящего солнца
Пал на божественный Лемнос, едва сохранивший дыханье.
Там синтийские мужи меня дружелюбно прияли.
Рек; улыбнулась богиня, лилейнораменная Гера,
И с улыбкой от сына блистательный кубок прияла.
Он и другим небожителям, с правой страны начиная,
Сладостный нектар подносит, черная кубком из чаши.
Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, как с кубком Гефест по чертогу вокруг суетится³⁶.

Следует особо указать на несколько моментов в этом тексте. Во-первых, Гефест, как и Терсит, — один из стоящих на самой низкой ступени членов соответствующей социальной группы, поскольку, будучи ремесленником богов, он занимает подчиненное положение, а являясь сыном Геры, которого она зачала без супруга, он представляет собой нечто вроде внебрачного ребенка, не связанного ни с кем по отцовской линии. Во-вторых, его низкий статус в соответствующей социальной группе выражен через хромоту, которая имеет сразу два негативных последствия: она привлекает внимание прежде всего к самому низкому органу его тела (ноге), а затем — к ее увечному состоянию³⁷. В-третьих, рассказ, повествующий об этом увечье, прямо выводит его причину из безумной попытки противостоять воле верховного владыки³⁸. В-четвертых, вершина, с которой Зевс сбросил его вниз, может быть понята и в качестве социально-политической, поскольку падение Гефеста означает его (и буквально и фигурально) упадок и унижение. Наконец, все это — его положение, внешний вид и история — выставляет Гефеста в комическом виде, поскольку боги разражаются смехом, не только наблюдая, как он ковывает туда-сюда, прислуживая сидящим за столами, но и слыша, как он говорит, «смешно и нестерпимо, что Афродита, дочь Зевса, постоянно пренебрегает мной, поскольку я хромой, а любит грубого Ареса, поскольку он красив и крепок ногами»³⁹.

ОДЕРНУТЫЕ ОРАТОРЫ И ЗАБЫТАЯ ТРАДИЦИЯ

Если «Илиада» сообщает нам о том, каким образом Гефест стал хромым, то о причине хромоты Терсита ничего не говорится. Все, что сказано о нем Гомером, заключено в строках, процитированных выше и не содержащих никаких сведений, ничего о его рождении, смерти и т.д. Более того, в разительном противоречии с описанием практически любого другого персонажа, играющего сходную роль (а часто

³⁶ I. 586—600.

³⁷ О подходе к социальной иерархии с помощью моделей вертикальной стратификации см. *Schwartz B. Vertical Classification*. Chicago, 1981; о соответствии образа ног и низших социальных классов см. *Lincoln B. Myth, Cosmos and Society*. Harvard, 1986. P. 141—146.

³⁸ Образ хромого кузнеца хорошо известен и из мифологии других народов; его исследовали, среди прочих, *Delcourt*. Op. cit. P. 121—122; *Sokolicek F. Der Hinkende im brauchtümlichen Spiel // Festschrift für Otto Höfler*. II. Vienna, 1968. S. 423—432, особ. 431—432; *Detienne M., Vernant J.-P. Les ruses de l'intelligence. La métis des Grecs*. P., 1974. P. 255—258; *Camassa G. I segni del fabbro // Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia della Università di Perugia*. 1980—1981. P. 153—160. Однако недостаточно внимания было уделено тому факту, что очень часто его хромота являлась результатом увечий, причиненных царями; в мифологии же существует большое количество мифов, отражающих конфликты нищих ремесленников и могущественных царей. См., например, традицию о старом Норсе Волунде и английском боге-кузнеце Вейлэнде, с которой часто сравнивается эпизод с Гефестом. К этому имеет отношение и миф о падении Икара.

³⁹ Od. 8.307—310. Разумеется, Гефест находит способ отомстить своей неверной жене и ее крепконогому любовнику, поймав их в ловушку и выставив на всеобщее обозрение в самый момент их любовных ласк, и тогда сонм богов разражается смехом «от души» (Od. 8.326 и 343). Однако в этот момент не меньше, чем над захваченными врасплох любовниками, они смеются над Гефестом, изобретательным, но в то же время рогоносцем.

и менее значительную), ни патронимия, ни генеалогия, ни место рождения Терсита не сообщаются.

Однако существуют и другие сведения о Терсите, поскольку из изрядного числа разбросанных ссылок и художественных изображений видно, что он играл значительную роль в прочих сочинениях утерянного эпического цикла, тех сочинениях, которые заимствовали ту же самую устную традицию, что и гомеровские поэты⁴⁰. Так, например, тщательное описание его смерти было дано, по всей видимости, в «Эфиопиде» Арктина Милетского — сочинении, не многим уступающем по древности «Илиаде», где сказано, что Терсит был убит Ахиллесом, после того как высмеял любовь героя к погибшей Пентесилее. Более того, далее сказано, что это убийство вызвало гнев греков, в частности Диомеда, и привело к таким бурным разногласиям, что Ахиллес был вынужден обещать жертвоприношения и поспешил совершить ритуал очищения⁴¹.

Сведения о рождении Терсита и его ранних подвигах обнаруживаются, в частности, в схолии к «Илиаде» 2.212, где цитируется философ V в. Ферекид Леросский: «Ферекид говорил, что Терсит был среди тех, кто пошел за калидонским вепром, и пропустивший вепря в схватке Терсит был сброшен в обрыв Мелеагром. Поэтому его тело было изувечено. И он говорит, что Терсит вел происхождение от Агрия, Дии и Порфея»⁴².

Однако в данном месте возникают серьезные вопросы. Интересно, например, почему Терсит должен был появиться среди мифических героев, охотящихся на калидонского вепря? Что он делал у Трои и почему вступил в конфликт с лидерами греков — Агамемноном, Одиссеем и Ахиллесом? И почему Диомед рисковал поссориться с Ахиллесом из-за его смерти? Ответы на все эти вопросы содержатся в кратком генеалогическом экскурсе, заключенном в упомянутом схолии; в нем Терсит представлен как потомок Порфея, отца Ойнея и его предшественника на этолийском троне, от которого, если следовать «Илиаде», вел свой род и сам Диомед (см. схему)⁴³.

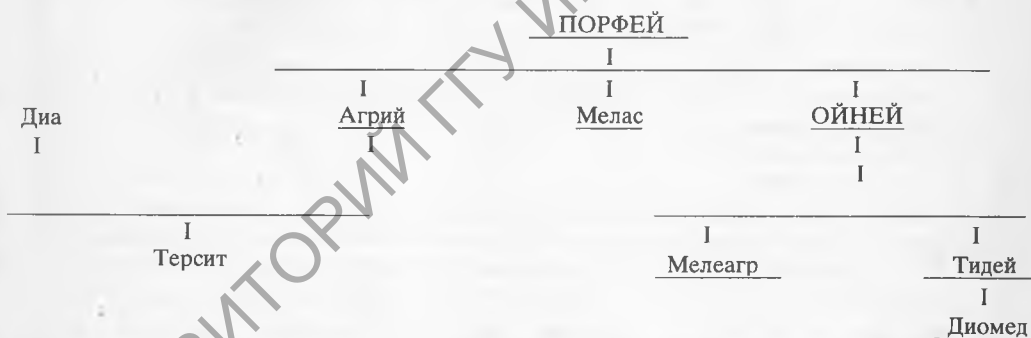

Схема: Генеалогия Терсита. Подчеркнутые персонажи и их соответствующие связи зафиксированы в «Илиаде» 9.543—545 и 14.113—118, а остальные даны у Ферекида, как сообщается в схолии к «Илиаде» 2.212. Выделенные имена принадлежат царям Этолии.

⁴⁰ Наиболее полно эти данные подобраны в статье Гебхарда о Терсите: RE. 1980. Bd V A, 2. Sp. 2455—2471 (особенно 2458—2460).

⁴¹ Bernabé A. Poetarum Epicorum Graecorum Testimonia et Fragmenta. Pt. I. Lpz., 1987. P. 67—68. Пьеса на эту тему, озаглавленная «Ахиллес, убийца Терсита» (Ἀχιλλεύς θερσίτοκ τόνος), приписывается Хэремону; краткие описания этой пьесы у Прокла и Евстафия см. Nauck A. Tragicorum Graecorum Fragmenta. Göttingen, 1971—1982. I: 217—218. Другими источниками являются: Ликофрон (Alexandra 990—1000), схолии к Квинту Смирнскому (1.722—781) и Аполлодору (Eπιτομή 5.1).

⁴² Erbse. I.228. См. также схолий к Lycophron. Alexandra 999 (Scheer, p. 312); Liban. Laud. IV. P. 943. (=Förster 8.244) и другие источники, собранные Гебхардом (с. 2460—2461).

⁴³ См. также Apollod. Biblioth. 1.8.4—6; Eustath II. 204. 10, и Quintus Smyrniensis. 1.770—773.

Таким образом, в то время как «Илиада» говорит о рядовом воине неизвестного происхождения, перед нами предстает этолийский царевич и родственник Диомеда; специалисты уже задавались вопросом, восполнили ли таким образом позднейшие источники то, что можно считать лакуной в гомеровском тексте, или, наоборот, гомеровский текст опустил сведения традиции, которые сохранились в других местах⁴⁴. Со своей стороны, я склоняюсь к последнему мнению. Введение персонажа без всяких сведений о его семье и месте происхождения, что является абсолютно невозможным, представляется нам сознательным актом. Если бы образ Терсита был специально выдуман для данного эпизода, можно было бы ожидать и описания выдуманного родства, как это было сделано, например, в случае с Фереклом, сыном Тектона («Плотника») и внуком Гармона («Портного»), который фигурирует в «Илиаде» (5.59—60)⁴⁵. Однако, если Терсит действительно был известен в предшествующей устной традиции, и его самобытный характер и родственные связи тоже должны были быть знакомы. И если первый подходил для целей «Илиады», а вторые создавали определенные проблемы, то дело могло быть улажено путем замалчивания этих связей. Выбросив генеалогию Терсита, «Илиада», таким образом, получила персонаж, который был традиционно известен как резкий в словах, дерзкий с вышестоящими, мерзкий по внешнему виду, а возможно и отталкивающе уродливый, и из которого можно было сделать изгоя общества, человека, лишённого семейных и общественных связей, придав ему тем самым форму поведения изгоя, а всем остальным — право отвечать ему без опасения, что кто-то за него вступится. Кроме всего прочего, это замалчивание сведений традиции позволило «Илиаде» превратить Терсита из знатного лица в простолюдина, т.е. совершить необходимое как для общей линии повествования песни второй, так и для идеологических принципов, которые пропагандировались в этом повествовании. По сути это было подмечено уже схолиастом, который, процитировав сохранившуюся у Ферекида генеалогию Терсита, продолжил свой комментарий следующим образом: «Но если бы он являлся близким родственником Диомеда, Одиссей не ударил бы его, поскольку он бил только простолюдинов»⁴⁶.

Следовательно, текст «Илиады», по всей видимости, лишил Терсита его генеалогии, на которую и опиралось его стремление к более высокому положению, так же как Одиссей лишил его права выступать на собрании. Однако можно выразить это более предметно, указав, что текст повествования лишил его генеалогии для того, чтобы Одиссей смог лишить его права выступать; таким образом, Терсит-простолюдин становился уязвимым в тех сферах, что были естественно присущи Терситу-благородному. Так, как ясно показало предыдущее действие песни второй, хотя и выдающиеся цари могли быть объектом словесного оскорбления (см. обращение Терсита с Агамемноном), лишь простолюдины могли быть оскорблены путем рукоприкладства (см. обращение Одиссея с рядовыми воинами, которых он гнал назад, на место собрания). И, в конце концов, вовсе не слова Одиссея, а удар его скипетра заставил Терсита замолчать.

ОРУЖИЕ ОДИССЕЯ И ОСНОВА ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Все повествование, которое мы исследуем, с начала до конца связано со скипетром. Так, проснувшись после обманного сна, Агамемнон немедленно одевается в царские

⁴⁴ О первой точке зрения см. *Gebhard*. Op. cit. Sp. 2458—2460; *Andersen Ø*. Thersites und Thoas vor Troia // *Symbolae Osloenses*. 1982. 57. P. 7—34. О второй — *Kullmann W*. Die Probe des Achaeerheeres in der Ilias // *Museum Helveticum*. 1955. 12. S. 254—273, особ. 270—271; *idem*. Die Quellen der Ilias. Wiesbaden, 1960. S. 102—103, 146—148, 225, 303—306; *Ebert*. Op. cit.; *Rankin H.D*. Thersites the Malcontent. A Discussion // *Symbolae Osloenses*. 1972. 47. P. 36—60. Неопределенную позицию занимает П. Шантрэн (Op. cit.).

⁴⁵ Этот пример см. *Chantraine*. Op. cit. P. 18.

⁴⁶ Erbse. I.228. Это замечание вскрывает бросающееся в глаза противоречие в описании Терсита в двух сочинениях VIII в. до н.э. Так, если сюжет «Эфиопиды» делает из Терсита представителя знати, сюжету «Илиады» он нужен в прямо противоположном качестве.

одежды, «в руки же взявши отцовский, вовеки не гибнущий, скипетр»⁴⁷. Его же он приносит на собрание, главенствуя над всеми прочими «скипетроносцами ахеян» (2.86). Заговорив первым, он опирается на этот скипетр, получая от него поддержку (2.109). А затем, когда греки побежали к кораблям, Одиссей получает от Агамемнона скипетр (2.186), который использует в качестве стрекала, чтобы направить простолюдинов назад на место собрания (2.199). Более того, слова, с которыми он к ним обращается, прославляют царскую власть и при этом скипетр еще раз играет главную роль:

Всем не господствовать, всем здесь не властвовать нам,
аргиянам!
Нет в многовластии блага; да будет единый правитель,
Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
Скипетр даровал и законы: да царствует он над другими⁴⁸.

Как справедливо заметил Роберт Монди, опираясь на известное веберианское различие между властью-силой и властью-авторитетом: «Мы должны признать, что скипетр представляет собой не столько политический аргумент для царя, сколько божественный оплот его власти»⁴⁹. Иными словами, скипетр придает законный характер, превращая царскую власть-силу во власть-авторитет — и тем самым давая понять, что такая власть является чем-то большим, чем просто результатом происхождения, родственных связей, хитроумных расчетов, нажитого богатства или грубой силы. Скипетр воплощает в себе идею происхождения царской власти от Зевса, божественного властелина. Более того, эта точка зрения находит свое наиболее полное выражение, когда Агамемнон встает, чтобы произнести речь на собрании, которому мы уже уделили так много внимания:

Бурно собор волновался; земля застонала под тьмами
Седших народов; воздвигнулся шум, и меж оными девять
Гласом гремящим глашатаев, говор мятежный смиря,
Звучно вопили, да внемяют царям, Зевеса питомцам.
И едва лишь народ на местах учрежденных уселся,
Говор унявши, как пастырь народа восстал Агамемнон
С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста созданием⁵⁰.

⁴⁷ 2.46. Это описание скипетра — устойчивая формула, повторяющаяся в песни второй, стк. 186. Особенно важно прилагательное *αἰδίτος* («вовсеки не гибнущий») как основное определение при описании того рода славы (*κλέος*), которую ищут и добиваются виднейшие из героев. Когда же оно употребляется применительно к материальным объектам, то, как правило, является определением к вещам из золота, изготовленным Гефестом для богов: см. обода колес колесницы Геры (5.724), дворец Посейдона (13.22), трон, который Афродита предлагает Сну (14.238), и собственный дом Гефеста (18.370). Равным образом, как это явствует из разных мест в тексте, скипетр Агамемнона был золотым (2.268) и вначале был изготовлен Гефестом для Зевса (2.101—102). О более конкретном изучении сути этого термина см. *Nagy G. Comparative Studies in Greek and Indic Meter. Harvard, 1974.*

⁴⁸ 2.203—206. Строка 206 содержит устойчивую формулу, повторяющуюся в 9.99.

⁴⁹ *Mondi R. Σκῆπτροῦχοι βασιλεῖς. An Argument for Divine Kingship in Early Greece // Arethusa. 1980. 13. P. 203—216.* Эта цитата (в слегка измененном виде) дана на с. 207. Такого же типа подход см.: *Melena J.L. En tomo al σκῆπτρον homérico // Cuadernos de Filologia Classica. 1972. 3. P. 321—356.* Хотя я согласен с тем, как оба автора подчеркивают связь скипетра с религиозной идеологией, следует добавить, что в данном случае момент религиозной значимости лишь являл собой средство, с помощью которого мог быть установлен авторитетный статус этого инструмента власти.

⁵⁰ Сочетание *καίε τεύχων* представляет трудность для перевода. Оба глагола означают процесс производства, и в то время как последний является немаркированным и, как можно ожидать, самого общего смысла, использование *καίω* особо подчеркивает затрату физической энергии, необходимой для творческого труда ремесленника. Этот скипетр олицетворяет законную власть потому, что был изготовлен именно для Зевса, находился в его пользовании и перешел к людям в законном порядке, т.е. по воле самого Зевса. Гефест, хоть и является его творцом, но не высказывает никаких претензий или интереса по отношению к результату своего труда, который он передает Зевсу. Так же и Гермес, словно глашатай в мире людей, берет в руки скипетр, но лишь как посредник при передаче его другому лицу. Процесс

Скиптр сей Гефест даровал молниеносному Зевсу Крониду;
Зевс передал возвестителю Гермесу, аргобуйце;
Гермес вручил укротителю коней Пелопсу герою;
Конник Пелопс передал властелину народов Атрею;
Сей, умирая, стадами богатому предал Фиесту,
И Фиест, наконец, Агамемнону в роды оставил⁵¹,
С властью над тьмой островов и над Аргосом, царством пространным,
Царь, опираясь на скиптр, вещал к восседающим ахеям⁵².

Говорить, держа скиптр, значило для оратора обладать божественной санкцией. Скиптр, таким образом, обладает силой, которая выводит выступающего и его речь из сферы человеческих отношений и представляет их как наделенных властью свыше. И здесь, как и повсеместно, власть является ценным достоянием немногих. Лишь несколько человек помимо самого Агамемнона имеют доступ к скиптру, и никогда, ни при каких обстоятельствах, человек из народа (кроме глашатаев — это особый случай) не может и пальцем дотронуться до него, не говоря уже о том, чтобы выступать, держа его в руке, на собрании⁵³.

Итак, Одиссей, как дубиной, ударил Терсита скипетром, т.е. тем, к чему он и знатные люди под стать ему имеют доступ, а все простолюдины — нет. Скиптр здесь не просто удобное для удара орудие, не просто эмблема власти, но сама власть⁵⁴. И хотя такая власть-авторитет зависит от идеологической мистификации, тем не менее очевидно, что всякий раз, когда толпа слушателей либо искренне захвачена такого рода мистификациями, либо по крайней мере остерегается оспаривать их, они будут обладать значительной социальной, политической и материальной силой. Исполнители главных ролей, используя этот «реквизит» и «декорации», которые придавали авторитет их роли и словам, могли, следовательно, говорить и вести себя таким образом, чтобы окружающие слушали их молча, по крайней мере в пределах той сцены, на которой их власть имеет силу. Однако даже там их контроль далеко не полон, ибо они не могут заставить своих слушателей быть внимательными и уступчивыми, как и удерживать их от шепота, ворчания и отдельных смешков. А временами неожиданные ораторы осмеливаются встать и держать речь перед собранием, пусть даже заплатив за это большую цену, как это было в случае с Терситом⁵⁵.

перехода образа скипетра из области сверхъестественных в область рациональных отношений отражен в песни первой (сткк. 235—240).

⁵¹ Употребление глагола $\lambda\epsilon\iota\lambda\omega$ — «оставлять» для описания передачи скипетра от Атрея Фиесту, который ускорил его кончину и захватил трон, а затем Агамемнону, являвшемуся сыном Атрея и законным наследником, показывает, что эти передачи осуществлялись вовсе не по выбору, как, например, в ранних звеньях этой цепи, где использовался глагол $\beta\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\alpha\iota$ — «давать». Таким образом, скиптр переходил от царя к царю по выбору или без такового; это доказывает, что скиптр заключает в себе царскую власть и в таком качестве стоит выше воли каждого конкретного правителя. Тот, кто обладал этим скипетром, был вправе заявить, что его правление и могущество восходят к самому Зевсу, и подкрепить это утверждение убедительными доказательствами.

⁵² 2,95—109.

⁵³ По ходу «Илиады» следующие персонажи выступают, держа в руке скиптр: Хрис, жрец Аполлона (1.15), Ахиллес (1.233—246), Агамемнон (2.109), Одиссей (3.216—218), Гектор (10.328), и Менелай (23. 567—568). Сообщается, что и мифический царь Протей также имел скиптр (6.159); скиптры фигурируют и в совете, изображенном на щите Ахиллеса (18.497—508), хотя то, как они там используются, не отражает характерных моментов самого действия.

⁵⁴ Скиптр изображается как оружие также Пиндаром («Олимпия». 7.28), когда Тлеподем бьет Ликумния, и Софоклом («Царь Эдип». 811), где Эдип бьет Лая. Однако оба данных эпизода существенно отличаются от только что разобранных нами сцен, а именно: 1) тот, кого ударили, сам принадлежит к знатным; 2) удар был смертельным и 3) это действие находит суровое осуждение.

⁵⁵ Хотя разного рода попытки сделать из Терсита героического заступника свободы слова и демократии закончились плачевно (см. *Feldman A. The Apotheosis of Thersites // Classical Journal. 1946—1947. 42. P. 219—221*), текст Гомера определенно и безоговорочно отражает взгляды и систему ценностей аристократии. В тот самый момент, когда действие, изучаемое нами, находит свой итог в подтверждении неизбежности этих ценностей, эпизод с Терситом скорее подчеркивает их спорный характер и то, что они опираются исключительно на право силы. См. недавно сделанные наблюдения — *Rose P.W. Thersites and the Plural*

SPEAKING OUT OF PLACE:
THE THERSITES EPISODE IN THE *ILIAD*

B. Lincoln

Discourses that one can call authoritative in an analytically meaningful sense would seem to result from the conjuncture of the right sort of speaker, the right sort of speech (containing not only the right sort of words and ideas, but also the right sort of tone and affect), the right sort of place, and an audience, the historically and culturally conditioned expectations of which establish the parameters of what will be judged «right» in all these instances. Authority is thus constituted when crucial givens of the discursive situation combine in such a way as to produce attitudes of respect, docility and acceptance in the audience, or — to view things from the reverse perspective — when the preexistent values, orientations, and expectations of an audience predispose it to respond to a given speech, speaker, and setting with these reverent and submissive attitudes. This is to say that authority does not reside in any one of the relevant entities. Rather, it results from their interaction, specifically that interaction which leads an audience to find a discourse not merely persuasive, but to accept it as something that is beyond contestation and possessed of imperative force.

The case of Thersites, as presented in Book 2 of the *Iliad*, affords us an ideal opportunity to explore the complex interactions of these variables, with particular attention to considerations of person. More specifically, here we can see what happens when the "wrong" sort of person brings a problematic sort of speech into the right sort of place, i.e. a place that lends some measure of authority to the persons and speeches that are found within its boundaries.

Odysseus bludgeons Thersites with that which he — and other nobles like him — have, but which by definition all commoners lack. It is not just a convenient cudgel that he swings as his weapon, but authority itself, and only secondarily its emblem. And although such authority depends on what may well strike us as a fairly transparent set of ideological mystifications, it is still abundantly clear that whenever an audience is either genuinely persuaded by such mystifications or, at a minimum, dares not challenge them, they can and will assume considerable social, political, and material force. Using those constructs and props through which their own station and speech are authorized, authoritative actors may thus speak and act in such a way as to reduce others to relative silence, at least within those settings where authority is constructed. Yet even there, their control remains significantly less than total, for they cannot force their audiences to be attentive or compliant, nor can they keep them from whispering, grumbling, or snickering at times. And at times unauthorized speakers may dare to stand up and hold forth, even if for so doing they pay a great price, as in the case of Thersites.

Voices of Homer // *Arethusa*. 1988. 21. P. 5—25; *Thalmann W.G.* Thersites: Comedy, Scapegoats, and Heroic Ideology in the «*Iliad*» // *TAPA*. 118. P. 1—28; *Redfield J.* Drama and Community: Aristophanes and some of his Rivals // *Nothing to Do with Dionysos? Athenian Drama in its Social Context* / Ed. J.J. Winkler, F.I. Zeitlin. Princeton, 1990. P. 314—335, especially 332—334.

Перевод С.В. Дмитриева.